

ГЕЛЕНА ВЕЛИКАНОВА: «Я МОГУ ДАРИТЬ "ЛАНДЫШИ" ТОЛЬКО В КРАСИВОМ ПЛАТЬЕ...»

Несколько месяцев мы перезванивались с Геленой Марцеливной и обсуждали тему предстоящей беседы. ВЕЛИКАНОВА не очень любила давать интервью и призналась, что боится журналистов, которые ради красного словца готовы порой пренебречь истиной. Наконец певица назначила встречу у себя дома. А жила она на Арбате, в Большом Афанасьевском переулке. Я пришла в гости июньским днем. Хозяйка прекрасно выглядела, была очень собранной и энергичной. Говорила о записях на телевидении, о возможном отдыхе на даче, собиралась съездить по приглашению в Германию... Поразили в Гелене Марцеливне эрудиция и прекрасный русский язык. Прошла скованность первых минут, после чего наш разговор продолжался почти четыре часа. Кто мог знать, что это интервью будет последним, что меньше чем через полгода ее не станет...

Работа была смыслом ее жизни. Будучи «совой», она могла встать чуть свет, если знала, что с утра к ней придут работать поэты и композиторы. Они с удовольствием писали для нее прекрасные песни.

— За свою творческую жизнь я спела, пожалуй, песен пять, которые были написаны не для меня. Две из них мне подарил Иосиф Кобзон. Одну, совершенно случайно, получила в подарок от Александра Розенбаума. Он дал мне кассету и предложил выбрать любую, какая понравится. Я выбрала «Глухарей». И Александр передал мне однажды комплимент своей мамы, которая сказала: «Геля поет эту песню правильной...».

А потом Гелена Марцеливна рассказала, как появился в ее репертуаре есенинский «Клен ты мой опавший...».

— Я была на гастролях в Ульяновске. Вечером — концерт, а днем меня привезли на берег Волги, в довольно уединенное место покупаться, поплавать. На пляже одиноко сидела женщина, похожая на цыганку. Потом она сказала мне, что украинка. Спросила, кто я. Когда узнала, что певица, призналась, что тоже очень любит петь. И я попросила ее исполнить что-нибудь любимое. Она спела «Клен ты мой опавший...». Я была потрясена...

Гелена Великанова пела песни на стихи Есенина, Окуджавы, Казаковой, Цветаевой, Пастернака... Это было ее собственный выбор, ее требование к песне.

— Зрители попросили на выступлении в Харьковском институте меня, певицу, почитать стихи, рассказать, как подружиться с поэтами, с Андреем Вознесенским... Людям нужна была настоящая поэзия. Сегодняшние талантливые певцы обязательно придут за стихами к большим мастерам. Я вижу, как меняется содержание популярных песен: если раньше звучала примитивная «любочка из плюша», то сейчас все чаще прорываются прекрасные поэтические строки...

Очень трогательно говорила Гелена Марцеливна о Булате Окуджаве. Она хранила его книги, программки концертов, на которых его рукой были сделаны для нее какие-то записи. Самая дорогая вот эта: «Я признаю за Геленой Великановой все достоинства, о которых так много и искренне говорят и пишут. Но есть у нее еще одно достоинство — эта женщина очень давно, в трудные мои времена, начала первой на сцене исполнять мои песни. Сейчас это звучит обыденно, но для меня это — биография и судьба».

Визитной карточкой певицы во все времена оставались «Ландыши». Легкая, простенькая, но такая милая песенка. Слова Ольги Фадеевой, музыка Оскара Фельцмана. Песня нравилась. Когда-то из всех московских окон звучали «Ландыши». А успех этой песенки прост: она очень добрая. Это песня о нашей жизни. Далеко не все могли себе позволить покупать и дарить розы. А букетик ландышей можно было купить за пятнадцать копеек.

— В свое время песню ужасно ругали, во всех газетах называли ее пошлой, мешанской, — говорила певица. — А в одном журнале было даже сказано, что она расшатывает государственный строй. Чувшь, конечно. И время это доказало. До сих пор на концертах меня просят исполнить «Ландыши».

Гелена Марцеливна родилась в Москве, жила в самом центре, и я не могла не спросить, что значит для нее наш город.

— Для меня не существует другого, — сказала она. — Я могу пожить какое-то время в деревне, в маленьком городке, но постоянно ни в каком другом, кроме Москвы, не хочу. Это моя родина. Люблю студенчество. Это — любимые для меня зрители и великие судьи. Они отвечали мне такой же любовью, поэтому я довольно часто пела в МГУ. А в киноконцертном зале «Россия», когда он только открылся, первый сольный концерт был моим. Часто выступала в Театре эстрады, очень любила киноконцертный зал «Октябрь»...

Великанова стала знаменитой, ее узнавали на улицах, ей дарили цветы и подарки... Но только ли розами усыпан путь известной певицы? Или шипов тоже хватало?

— Хватало и того, и другого. Меня довольно часто отстраняли от исполнительской деятельности. Никогда не забуду, как проходила однажды аттестация в Москонцерте. Я исполнила лучшие свои песни. Сердцем чувствовала, что все получилось. Но руководитель Москонцерта заявил: «Не аттестовывать!» Мне говорят: «Геля, ты должна перепеть». Почему я должна «перепеть», то есть снова исполнить то же. Я не могу спеть лучше. «Но он тебе не уступит». А мне не нужны его уступки... В результате все получили аттестационные книжки, а я нет.

Она была женщиной с характером. Она была красивой женщиной. В одном из интервью сказала: «Я любила много и еще больше была любима...»

— Все это правда, — подтвердила моя собеседница. — Я действительно много раз влюблялась. У меня были такие трогательные романы. И всякий раз мне казалось, что это навсегда. Влюблялась я обычно в умных, талантливых людей. Но,

к сожалению, среди них попадались и жадные, и злые... От таких сама уходила... Мне кажется, главное — любить самой. Это счастье, это тоже божий дар, как и голос, — умение любить!

Эта красивая женщина всегда была элегантно одета. Двадцать пять лет ей шила одна портниха, и столько же лет — другая. Она ценила их труд:

— Купить раньше новое платье было почти невозможно. Я давала иногда деньги знакомым артистам из ансамбля Мони-сеева или «Березки», и они привозили мне наряды из-за границы. А потом меня на полгода отстраняли от работы из-за легкомысленно открытого плечика...

На Камчатке она побывала дважды с перерывом в восемь лет. Зрители говорили во второй приезд, что на ней было тогда малиновое платье, расшитое жемчугом. Вот тогда-то у нее вырвалось: «Я могу дарить «Ландыши» только в красивом платье!»

Учителями Великановой были замечательные актеры — Андровская, Петкер, Кторов... Голос у нее был всегда, она ведь пела с оркестром Силантьева без микрофона. Но МХАТовцам хотелось сделать из нее артистку. Им было важно, чтобы в песне непременно была драматургия, чтобы песня была разыграна как маленькая пьеса. Певица потом всю жизнь тоже искала в песне драматургию, сюжет, характер. Участие в концертах с великими актерами МХАТа, Малого театра, Большого — прекрасная школа. «Это была такая планка, которая заставляла тянуться из всех сил».

А вообще-то она чуть было не стала инженером-строителем. Судьба вовремя схватила за руку и повела туда, куда надо было.

— Вы никогда не пожалели, что выбрали именно этот путь?

— Никогда. Я училась на певицу, но меня звали и в театр. Ярон, например, ходил за мной по пятам и приглашал в Театр оперетты. Однажды в Театре эстрады я сыграла роль в спектакле «Утром после самоубийства». Правда, вскоре его сняли. Но присутствующий на премьере режиссер Гончаров предлагал поставить для меня любой спектакль из классики... Я не согласилась, потому что знала, что это не для меня. Мое дело — песня. Я ушла на эстраду и никогда об этом не пожалела.

...В начале октября мы разговаривали с Геленой Марцеливной по телефону в последний раз. Она собиралась в глазную клинику и обещала позвонить, как только чуть освободится. Судьба распорядилась иначе, и я уже никогда больше не приду в Большой Афанасьевский к Гелене Великановой и не смогу задать ей свои вопросы.

В памяти останется ее лицо, ее голос, ее слова, а самое главное — ее песни. Я всегда включую теперь передачу «Старая квартира», которая заканчивается одноименной песней Луизы Хмельницкой и Евгения Евтушенко в исполнении Гелены Великановой. Песня была ей близка, она ей нравилась...

Эту песню она поет за кадром. Поет сердцем, и песня звучит как маленькая пьеса о нашей жизни.

Берта БУХАРИНА.